

В. В. Попов

**ВЗГЛЯД НА ПРАВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМИОТИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА:
ПРОБЛЕМА ДОМИНАНТНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРАВОВЫХ СМЫСЛОВ**

Множественность смыслов правового текста неизбежна. В то же время она несовместима с правовым предписанием. Ее ограничение происходит согласно не только intersubjectной, но и конвенциональной модели. Баланс между ними определяется особенностями социально-юридического контекста и психологии субъекта, вовлеченного в орбиту правового смыслообразования. Конвенциональная модель может являться доминантным смыслообразованием. Общее основание ее работы состоит в том, что, несмотря на равнозначность нескольких смыслов в семантическом аспекте, они неравнозначны прагматически. Поскольку любая власть предполагает субординацию, иерархичность, нам следует совместить их с возможностью формирования нескольких смыслов правового текста (законодательства как знака права). Это наиболее яркое отражение модели, в которой толкование права является функцией воли. Доминирование смысла — важная предпосылка власти как реализуемой способности управлять, в данном случае — через правовые предписания. Вместе с тем даже модель доминантного смыслообразования не дает полного ответа на вопрос о том, какой именно из нескольких потенциальных смыслов является актуальным.

Ключевые слова: система права, система законодательства, знак права, значение права, смысл права, десигнат права, денотат права, референт права, язык права, полисемичность правового текста, законодательный текст, объектный язык права.

V. V. Popov

**VIEWING ON LAW THROUGH A PRISM OF A SEMIOTICS TRIANGLE:
PROBLEM OF DOMINANT RESTRICTION OF LEGAL SENSES PLURALITY**

The plurality of senses of legal text is inevitable. At the same time, the plurality of legal senses is incompatible with legal prescriptions. The limitation of the plurality of legal senses takes place according not only to the intersubject, but also to the conventional model. The balance between them is determined by the peculiarities of the socio-legal context and psychology of the subject involved in the orbit of legal sense formation. Conventional model may prove to be the dominant sense-making. The general basis of functioning of such semantic sense formation model is that, despite the equal significance of several senses in the semantic aspect, these meanings have different significance in the pragmatic aspect. As any power assumes subordination, a hierarchy we should combine these subordination and hierarchy with the ability to produce multiple senses of a legal text (law as a sign of law). This is the clearest reflection of a model of law interpretation as a function of will. The dominance of senses is an important prerequisite for power as a realizable ability to rule and in this case — through legal regulations. At the same time, even the model of dominant sense formation does not give a complete answer to a question of which of several potential senses is a relevant one.

Key words: the system of law, the system of legislation, sign of law, sense of law, meaning of law, designatum of law, denotatum of law, referent of law, language of law, polysemy of legal text, legislative text, object language of law.

В предыдущих статьях автор, исследуя проблематику соотношения системы права и системы законодательства [1; 2], пришел к выводу о возможности рассмотрении права через модель семиотического треугольника при различении его

знака, значения и смысла [3]. При этом было заключено, что наиболее сообразной существующей правовой действительности (в настоящих условиях) представляется идея фактической множественности смыслов права [4]. Данная множественность может

быть фактически ограничена например конвенционально [5].

В настоящей статье мы рассмотрим несколько иной механизм правового смыслообразования, который может быть назван доминантным. Можно сказать, что в этом случае речь идет о правовой коммуникации монологического, императивного характера с приоритетом прямой связи [6, с. 26]. Самое общее основание работы такого механизма смыслообразования состоит в том, что, несмотря на равнозначность нескольких смыслов в *семантическом аспекте*, они неравнозначны прагматически.

Мы не будем подробно писать о различиях в логической и лингвистической прагматике, но отметим, что прагматический аспект информации проявляется при наличии единства информации, ее потребителя и поставленной цели относительно использования данной информации.

В связи с этим нужно учесть тот факт, что сама идея цели, целеполагания предполагает некое намеренное изменение в некоей среде. Последняя может быть названа объектом воздействия. В правовом контексте им будет поведение людей, а само воздействие будет проявлением власти. Поскольку любая власть предполагает субординацию, иерархичность, нам следует совместить их с возможностью формирования нескольких смыслов правового текста (законодательства как знака права). Такое совмещение в общем виде выражается в том, что можно заметить иерархическое неравенство смыслов одного и того же знака права (законодательства). Разумеется, речь идет не о семантической иерархии, «вложенности» смыслов (как, например, при генетическом методе построения научных теорий), а о неравенстве в прагматическом аспекте.

Прагматическое неравенство позволяет увидеть, что в правовой сфере не всегда происходит конвергенция смыслов, (более или менее явно выраженный) поиск компромисса, ведение диалогической коммуникации, т. е. формирование конвенционального смысла с приоритетом обратной связи. В некоторых случаях мы можем наблюдать своеобразное поглощение или ассимиляцию смыслов. Это наиболее яркое отражение модели, в которой толкование права является функцией воли (Г. Кельзен [цит. по 7, с. 191]). Доминирование смысла — важная предпосылка власти как реализуемой способности принуждать (в данном случае через правовые предписания). Иными словами, смысл законодательных положений, формирующий,

например, в разъяснении права высшим органом судебной власти, рассматривается как более значимый, т. е. не являющийся равным разъяснению, даваемому, скажем, профессором права. Здесь подчеркнем: толкование права, например, Верховным Судом Российской Федерации определенные субъекты относят к более важному, т. е. это неравенство (если говорить о его истоках) не объективно, а исключительно субъективно.

Безусловно, тот факт, что один толкователь — это судья, а другой — профессор, можно воспринимать как объективную данность. Но что означает то, что смысл, формируемый профессором менее

(более) важен, чем смысл, формируемый Верховным Судом Российской Федерации, прокурором области, членом диссертационного совета или ректором университета? Прежде всего, это означает, что некий конкретный смысл более важен или менее важен для конкретного субъекта в конкретной ситуации, поскольку под важностью здесь понимается ценность достижения цели. Эти ценности и цели привязаны к определенному контексту. Если же ценностей несколько, то привязка

осуществляется к иерархически высшей (в конкретном контексте). Например, если таким контекстом является некая цель в рамках научной деятельности, то иерархически высшей ценностью для одного субъекта может быть постижение истины, для другого — защита диссертации и т. п. Если подобным контекстом будет юридическая практика, то иерархически высшей ценностью может являться защита невиновного, обвинение не причастного, поощрение со стороны руководства и т. д. Это может порождать доминирующий смысл толкования права, соответствующий ведомственным, корпоративным и т. п. интересам. В частности, Р. Томазис отмечал, что «...студенты, изучающие право, становятся весьма циничны по отношению к популярному представлению о целях функционирования правовой системы, а после этого они готовы скорее посвятить себя реализации индивидуальных или корпоративных профессиональных целей, которые поддерживаются сами юристами, нежели реализации целей стоящих перед их клиентами или обществом в целом» [8, с. 37].

Таким образом, иерархия смыслов формируется именно *заинтересованными* субъектами. Например, это заинтересованные адресаты правовых предписаний. Они приписывают иерархически доминирующий смысл

законодательному положению (знаку права), поэтому данное доминирование имеет *субъективные* корни (порождается желанием, волей, намерением конкретных субъектов), хотя как состоявшийся в реальности факт представляет собой объективное явление. Такую субъективность можно рассматривать в аспектах происхождения и восприятия. Вместе с тем необходимой представляется оговорка относительно толкования, даваемого Верховным Судом Российской Федерации, поскольку в отечественной юридической науке подобный вид толкования права принято считать обязательным, а именно делегированным официальным нормативным толкованием права. Проанализировав данный вопрос, автор пришел к выводу о том, что представленные (по меньшей мере) в российской юриспруденции аргументы не достаточны для признания формальной юридической обязательности делегированного официального толкования, даваемого Верховным Судом Российской Федерации. Здесь важно заметить, что автор обходит дискуссию о фундаментальной проблеме некоего метаконтекста восприятия юридической обязательности, которое существенно зависит от типа правопонимания. Соответственно, типом правопонимания предопределяется решение вопроса о достаточности (для признания наличия юридического предписания) формальной юридической обязательности либо о ее недостаточности, поскольку юридически обязательным является лишь то, что воспринимается как юридически обязательное. При этом автор основывает свое рассуждение на том, что наличие формальной (относимой к референту права) юридической обязательности необходимо, хотя и недостаточно для вывода о ее наличии.

Связывающую силу делегированного официального толкования права можно увидеть именно в рамках функционирования модели смыслообразования с доминирующим (доминантным) смыслом, причем этот пример является одним из ярких.

Таким образом, можно вполне согласиться с довольно метким высказыванием В. В. Лазарева: «Отрицать то, что субъекты права определяют содержание правовых норм по судебным решениям, можно только, уподобляясь страусу» [10, с. 329]. В продолжение этой мысли отметим, что явление, называемое в отечественной юриспруденции правоположением (его исследовали С. С. Алексеев, А. К. Безина, С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров, Н. А. Власенко,

Н. Н. Вопленко, И. Я. Дюрягин, В. Н. Карташов, В. В. Лазарев, М. Н. Марченко, В. Л. Раслин, В. П. Реутов, А. В. Терехов, Л. С. Явич и др.), может быть использовано для характеристики сферы доминантного правового смыслообразования, хотя описание правоположений не всегда осуществлялось с помощью удачной терминологии («поднормативность», «степень обязательности» и т. п.). Вместе с тем следует отметить, что речь нужно вести о том, что доминантный смысл порождается не только судами.

В частности, М. Троппер отмечал, что «именно ... властный орган наделяет тексты... значением так, что эти тексты существуют как нормы...» [11, с. 211]. А. С. Александров выразил ту же мысль несколько иначе: «Закон есть текст, смысл которого навязывается властным интерпретатором» [12, с. 107].

Вообще широта круга проявлений в юридической практике, пусть не формальной юридической обязательности, но фактического следования иерархически доминирующему смыслу, будет обусловлена тем, что вслед за М. Троппером можно было бы назвать «рациональным расчетом законности» [11, с. 202]. Речь, по сути, идет о *потенциальной* реализуемости правовых норм как об элементе перспективы принятия определенного решения по конкретному юридическому делу. В частности, субъекты заинтересованы в том, чтобы действовать в соответствии именно с тем смыслом законодательных положений, которые дает вполне определенный субъект (например, орган государственной власти), а не кто-либо иной (например, ученый-юрист). Эта заинтересованность адресатов права (например, следователей) и формирует субъективную иерархичность по вопросу о смысле одного и того же законодательного положения (как знака, экспонента права). При этом, например, мнение Верховного Суда Российской Федерации воспринимается заинтересованным субъектом как доминирующий смысл, т. е. более важное мнение, чем мнение ученого-юриста, даже если смысл, определяемый ученым-юристом, представляется этому субъекту научно состоятельным. Подобная важность задается строго определенным в контексте поведенческих намерений конкретного субъекта: данный контекст предопределен целями достижения определенного результата по юридическому делу. Здесь важно отметить, что обычно условиями для формирования подобного механизма являются

оценочные понятия [13, с. 93], неясная (*vague, obscure*) [14, с. 885], неточная, многозначная (*ambiguous*) [15, с. 151] и т. п. терминология, «неопределенность права» [16; 17].

Действительно, «когда в правовой норме возникают оценочные понятия, ситуация требует от правоприменителя их творческого анализа и субъективного усмотрения» [18, с. 17]. К этому можно добавить, что в данном случае предпосылки формирования множественности смыслов более очевидны, поскольку налицо возможность использования объективных обстоятельств в субъективных целях. Объективное обстоятельство (правовая терминология, полагаемая неясной и неточной) как бы «провоцирует» адресатов права к «альтернативному», например, наиболее выгодному для себя прочтению в потенциально конфликтной среде правового общения. Вместе с тем Н. Н. Вопленко справедливо отмечает, что «как бы подробно материальные и процессуальные нормы ни регламентировали средства, порядок, результаты и цели правоприменительной деятельности, индивидуальные черты правосознания правоприменяющего лица всегда, образно говоря, открывают дверь для реализации в решении его усмотрения» [19; цит. по 20, с. 19]. Таким образом, «двойному прочтению» с последующим формированием доминантного смысла (как альтернативы конвенциональному) может подвергаться и та терминология, которая обычно (конвенционально) считается вполне ясной и однозначной. Это может происходить в случаях с (как минимумом потенциальным) конфликтом серьезных интересов.

Приведем достаточно известный и резонансный пример. Часть 4 ст. 111 Конституции Российской Федерации указывает: «После трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства Российской Федерации, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы».

Полагаем, что вопрос о том, отличается ли смысл термина «*кандидатура*» от смысла термина «*кандидатуры*» является риторическим, поскольку термины «*кандидатуры*» и «*кандидатура*» (по крайней мере, в контексте их сравнения) не представляются неясными, неточными, оценочными, многозначными и т. п. Однако практика пошла по иному пути. Конституционный Суд Российской Федерации отметил буквально

следующее: «Из части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с другими конституционными положениями, касающимися статуса главы государства, следует, что выбор представляемой Государственной Думе кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации является прерогативой Президента Российской Федерации. Конституция Российской Федерации, не ограничивая данное право, позволяет Президенту Российской Федерации самому определять конкретный вариант его реализации, а именно вносить предложение об одном и том же кандидате дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата. В свою очередь Государственная Дума участвует в назначении Председателя Правительства Российской Федерации, давая согласие или отказывая в согласии на назначение предложенной кандидатуры. При этом из Конституции Российской Федерации не вытекает возможность юридических ограничений названных правомочий участников данного процесса» (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 г. № 28-П).

Иными словами, соответствующими субъектами для термина «*кандидатуры*» (как референту, элементу знака права) был установлен смысл «один человек либо несколько». Однако поскольку здесь допустим другой смысл (*кандидатура* — это один человек), альтернативный смысл «один человек либо *несколько*» был установлен как доминирующий.

Известным примером является и то, что содержащийся в ст. 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1 запрет на одностороннее изменение кредитной организацией порядка определения процентов по кредитному договору, заключенному с заемщиком-гражданином, был истолкован в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 так, что касался не любого изменения процентной ставки, а лишь такого, когда размер процентов по кредиту для заемщика-гражданина увеличивается. Вместе с тем очевидно, что в более общей сфере смыслообразования термин «*изменение*» принято считать точным и толковать иначе. В то же время конвенциональность может нести как конвергентные, так и конформные черты, поэтому в силу особенностей индивидуальной и коллективной психологии не всегда есть возможность провести четкую границу между конвенциональным конформным и доминантным смыслом права. Граница и баланс между ними определяются особенностями

психологии субъекта, вовлеченного в орбиту смыслообразования.

Доминирование не всегда подразумевает выраженное противостояние. В связи с этим полагаем, что «борьба за право» — это не такое частое явление, как можно представить под влиянием блестящей риторики Р. Фон Йеринга или напористости марксизма в продвижении идей социальной самоорганизации, поэтому для некоторых субъектов правовое смыслообразование сразу или с течением времени приобретает некий конформный характер, когда соответствующие субъекты фактически «присоединяются к конвенции», как бы рассматривая определенный смысл (десигнат права) доминантным. Вместе с тем для обеих схем (конвенционального и доминантного) формирования смысла (десигната) права остается без ответа важный вопрос. Если исходить из множественности (потенциальных) смыслов в этих схемах, то что позволяет нам сделать вывод о том, какой именно из нескольких потенциальных смыслов является актуальным (будучи по генезису конвенциональным в одной схеме и доминантным в другой)? По нашему мнению, ответ на данный вопрос непосредственно связан с реализацией права. Иначе говоря, реализация права — показатель актуализации правового смысла.

1. Попов В. В., Астахова И. А. Система права и система законодательства: проблемы толкования объективности системы права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4. С. 16—20.
2. Попов В. В. Плюрализм интерпретации объективности права в контексте соотношения системы права и системы законодательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1. С. 10—13.
3. Попов В. В. Соотношение права и законодательства: предпосылки рассмотрения через призму семиотического треугольника // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2. С. 127—131.
4. Попов В. В. Взгляд на право через призму семиотического треугольника: проблема единственности правового смысла // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3. С. 142—146.
5. Попов В. В. Взгляд на право через призму семиотического треугольника: проблема конвенционального ограничения множественности правовых смыслов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1. С. 163—173.
6. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избр. тр. СПб., 2014. 575 с.
7. Тропер М. Свобода толкования у конституционного судьи // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
8. Tomasis R. The Sociology of Law. London, 1985. 280 p.
9. Попов В. В. О некоторых проблемах официальности и обязательности толкования права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4.
10. Лазарев В. В. Прецеденты Конституционного Суда // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: сб. науч. тр. Вып. VII. Казань, 2012. С. 329.
11. Тропер М. Кельзен, теория толкования и структура правового порядка // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
12. Александров А. С. Юридическая техника — судебная лингвистика — грамматика права // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. И. М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
13. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979. 168 с.
14. Christie M. Vagueness and Legal Language // Minnesota Law Review. 1964. No. 48.
15. Moor R. The Semantic of Judging // S. California Law Review. 1981. No. 54.

1. Popov V. V., Astakova I. A. The system of law and the system of legislation: the problem of interpretation of objectivity of the system of law // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2016. No. 4. Pp. 16—20.
2. Popov V. V. Pluralism of interpreting objectivity of law in the context of correlation between the system of law and the system of legislation // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2017. No. 1. Pp. 10—13.
3. Popov V. V. Correlation of law and legislation: prerequisites for examination in the light of the semiotic triangle // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2017. No. 2. Pp. 127—131.
4. Popov V. V. Viewing on Law through the prism of a semiotic triangle: the problem of the uniqueness of legal meaning // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2017. No. 3. Pp. 142—146.
5. Popov V. V. Viewing on Law through a prism of a semiotics triangle: problem of conventional restriction of plurality of legal sense // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2018. No. 1. Pp. 163—173.
6. Polyakov A. V. Communicative understanding of law: Selected works. SPb., 2014. 575 pp.
7. Tropper: freedom of interpretation of a constitutional judge // Russian yearbook of the Theory of Law. 2011. No. 4.
8. Tomasic R. The sociology of law. London, 1985. 280 pp.
9. Popov V. V. About some problems of obligatoriness of the official interpretation of law // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2013. No. 4.
10. Lazarev V. V. Precedents of the constitutional Court // Actual problems of the theory and practice of constitutional proceedings: SB. science. Tr. Vol. VII. collection of scientific papers issue. Kazan, 2012. Pp. 329.
11. Tropper: Kelsen, theory of interpretation, and the structure of legal order // Russian yearbook of the Theory of Law. 2011. No. 4.
12. Alexandrov A. S. Legal technology — forensic linguistics — the grammar of law // Problems of legal technique: Collection of articles / Under the editorship of I. M. Baranova. Nizhny Novgorod, 2000.
13. Cherdantsev A. F. Interpretation of Soviet law. M., 1979. 168 pp.
14. Christie M. Vagueness and Legal Language // Minnesota Law Review. 1964. No. 48.
15. Moor R. The Semantic of Judging // S. California Law Review. 1981. No. 54.

16. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М., 2015. 176 с.
17. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: моногр. М., 2014. 156 с.
18. Мерзликин Р. А., Бойко Д. М. Соотношение свободы, правовой инициативы и усмотрения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3. С. 16—20.
19. Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 1983. 189 с.
20. Мерзликин Р. А., Бойко Д. М. Влияние морально-нравственных качеств на правоприменительное усмотрение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4. С. 16—21.

© Попов В. В., 2018

16. Vlasenko N. A. The Problems of Legal Uncertainty: course of lectures. M., 2015. 176 pp.
17. Vlasenko N. A. Reasonableness and certainty in legal regulation. M., 2014. 156 pp.
18. Merzlikin R. A., Boyko D. V. The influence of moral qualities on law enforcement discretion // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2017. No. 3. Pp. 16—20.
19. Voplenko N. N. Socialist legality and law enforcement / Edited by: M. I. Bajtin. Saratov, 1983. 189 pp.
20. Merzlikin R. A., Boiko D. V. Correlation among freedom, legal initiative and discretion // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2017. No. 4. Pp. 16—21.

© Popov V. V., 2018